
ИСТОРИЧЕСКИЙ ДЕТЕКТИВ

И В А Н
ПОГОНИН

Превышение
полномочий



Москва
2018

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
П43

Художественное оформление
Петра Петрова

Погонин, Иван.
П43 Превышение полномочий / Иван Погонин. —
Москва : Эксмо, 2018. — 320 с.

ISBN 978-5-04-097477-1

Зимой 1889 года в Петербурге происходит убийство генеральши Штрундман и ее горничной. Подозрение падает на лакея, но сыщик Мечислав Кунцевич благодаря обнаруженной в квартире шляпной коробке выходит на предполагаемых убийц. Соучастницей вполне может быть и девушка, в которую Кунцевич влюблен. Поведение этой хорошенькой продавщицы шляпного магазина вызывает много подозрений. А когда в ходе следствия сыщик выясняет, что преступники, убившие генеральшу, совершили еще одно убийство — актрисы Марсельской, — ему приходится всерьез присмотреться к девушке, вскружившей ему голову.

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-097477-1

© Погонин И., 2018
© Оформление.
ООО «Издательство «Эксмо», 2018

16 ноября 1934 года в одном из ресторанчиков в 15-м округе Парижа собралась небольшая компания. Отмечали юбилей — сидевший во главе стола мужчина праздновал семидесятилетие. Говорили на русском. Часа через два после начала банкета компания, как это обычно и бывает, распалась на отдельные группки, которые не обращали друг на друга никакого внимания. К оставшемуся в одиночестве юбиляру, задумчиво ковырявшему в тарелке, под села женщина лет тридцати.

— Выпьем, Мечислав Николаевич? — предложила она новорожденному.

Тот молча наполнил бокал дамы красным вином, себе плеснул несколько капель коньяку. Выпили.

— Что же это вы загрузили? — спросила женщина.

— Загрузил. А чему радоваться-то, Нина Николаевна? В моем возрасте юбилеи ничего, кроме тоски и грусти, не вызывают.

— Ну, не грустите. Коль вы станете грустить, так и я начну. Вы ведь этого не хотите?

— Нет, конечно, — взбодрился юбиляр. — Прошу прощения, мадам.

— А чтобы не грустить, вспомните что-нибудь веселенькое, вспомните и мне расскажите.

Иван ПОГОНИН

— Веселенькое?

— Ну да. Или не веселенькое, но интересное. Ведь на вашей прежней службе интересного было предостаточно. Кстати, помнится, лет пять тому вы мне обещали рассказать про вашу службу. Обещали, но так до сих пор ничего и не рассказали.

— Я? Обещал? Не припомню-с.

— Мечислав Николаевич! — Женщина погрозила Кунцевичу пальчиком. — Ух, Мечислав Николаевич! Все вы прекрасно помните.

Старик опустил голову и уставился в пол. Постепенно шум компании становился все тише и тише, а потом исчез вовсе. Кунцевич поднял голову и увидел, что сидит не в парижском ресторане, а в петербургском трактире, что ему не семьдесят, а только двадцать пять, но он все равно грустит...

Часть первая

Глава 1

Вольнонаемный писец Экспедиции заготовления государственных бумаг¹ Кунцевич сидел на чистой половине второразрядного трактира на набережной Фонтанки, пил третью кружку пива, хмелел и грустил.

«Лето, все порядочные люди на дачи уехали. Теперь небось коньяк пьют и осетриной закусывают. А вечером танцы устроят или спектакль любительский. Или просто чаевничать станут на балконе под трель соловья. А я? Вот сейчас пиво допью, и придется на жару выползть. Завтра воскресенье, а из-за безденежья податься некуда. Или дома целый день сиднем сидеть, или по улицам без цели шляться. Черт бы все это побрал!»

— Кунцевич! Мечислав! Сколько лет, сколько зим!

Громкое приветствие сопровождалось сильным хлопком по плечу, от которого Кунцевич чуть не подавился пивом.

Мечислав оглянулся. Рядом с ним стоял высокий молодой человек, в котором он с трудом узнал Митю Быкова — сына мелочного лавочника с Надеждинской. Семья Кунцевича раньше квартировала в доме 20 по этой ули-

¹ Так в XIX веке называлась предтеча нынешнего Гознака.

Иван ПОГОНИН

це и имела у Митиного отца небольшой кредит. Кунцевич и Быков в детстве приятельствовали, но фамильярное обращение купеческого сынка все равно потомственного дворянина несколько покорибило.

— Митя? Здравствуй.

— Чтой-то ты брат не весел? Или не рад нашей встрече? Да и выглядишь, честно сказать, плохо. Бледен, худ, одни усы остались!

— Ну отчего же, я рад... весьма рад. А веселиться мне, Митя, нет никакой причины...

— Я сейчас подойду! — крикнул Быков компании мужчин, направлявшихся в отдельный кабинет трактира, и вновь повернулся к Кунцевичу:

— Так почему у тебя нет никакой причины веселиться?

Хмельного писца потянуло на откровенность:

— Да потому что, Митя, жалованье у меня всего тридцать рублей. А на эти деньги есть, и пить надо, и за квартиру заплатить, и за самовар. А у меня еще и сестра младшая на содержании. В общем, не до веселья. Да и служба моя мне не нравится. Я здесь рядом, в Экспедиции служу, в бухгалтерии. Дебет-кредит, сальдо-баланс, одни сплошные цифры, с утра до вечера, с утра до вечера, хоть волком вой. А не уйдешь никуда, поди, найди сейчас хорошее место! Да и сестра...

— Ну, по поводу службы я тебе, пожалуй, что и помогу. Тебе двадцать пять уже исполнилось?

— В ноябре будет.

— В ноябре? Плоховато конечно, но я думаю, на это глаза закроют. Давай, брат, к нам в сыскное. У нас как раз

Превышение полномочий

вакансия открылась — сразу двоих надзирателей в арестантские роты отправили.

— В сыскное? В полицию? Спасибо, конечно, Митя, но...

— Что но?

— Я как-то не очень себя представляю в полицейском мундире.

— Так ты мундир и не будешь носить. Мы, брат, мундиров не носим. Видел, с кем я в трактир пришел? Все мои сослуживцы, и все без мундиров. Мы скрытно работаем, никто не должен знать до поры до времени, что мы из сыскной. А ты говоришь мундир! Смотри: жалованье — пятьдесят целковых в месяц, еще и на сыскные расходы денег дают. А иной раз и от обывателей наградные перепадают. Мы как раз по этому поводу здесь и собрались — Денисову градоначальник разрешил сто рублей принять от одного купца, за отыскание уворованного имущества, вот Денисов и угощает.

— Сто рублей! Это надо же! И часто вы такие суммы получаете?

— Врать не буду, не часто, но случается. Впрочем, ты ведь человек не посторонний, скрываться от тебя не буду: кой-какие доходишки и помимо этого имеем.

— А что делать-то надо за такие деньги?

— Как что? Воров и убийц ловить, украденное искать и обывателям возвращать.

— Так не умею я этого. Не учился.

— А у нас никто не учился, полицейских школ-то не завели пока. Научись во время службы.

— А возьмут меня? Я же по полиции никогда не служил, я бухгалтер.

Иван ПОГОНИН

— А почему не возьмут? Возьмут! У нас кого только нет. Вот, например, Денисов — он до сыска в цирке служил. Дикого человека изображал. — Быков усмехнулся: — Если честно, то и изображать не особо нужно было, он и впрямь дикий...

— А опасная ли служба? — спросил Кунцевич и тут же спохватился: — Нет, ты не подумай, я не боюсь, но знать хотелось бы.

— Я пять лет служу и ни разу револьвер из кармана не доставал. Бывает, конечно, начинают некоторые бузить. Ну отпустишь такому зуботычину, он и прекратит. Но это редко, народ-то у нас начальство уважает, почти всегда одного доброго слова достаточно, чтобы люди тебя послушались. Так ты как?

— Пожалуй, попытаюсь. Постой, а эти двое, на чьи вакансии ты меня сватаешь, за что в арестантские роты попали?

— Да дураки потому что, забудь, не забивай голову. В общем, если надумал, приходи завтра к десяти часам в Казанскую часть. Дежурному скажешь, что к начальнику сыскной, на службу проситься, он тебя проведет. А я за тебя словечко замолвлю, я у начальства на хорошем счету, Иван Александрович меня послушает. Ну ладно, я пойду, а то они, черти, без меня все выпьют. Извини, что не зову в компанию, не я сегодня угощаю. Вот начнешь служить, тогда вместе и погуляем. Давай, завтра приходи обязательно!

— Так завтра день-то не присутственный!

— У нас, брат, каждый день присутственный, приходи смело.

9 июля 1889 года Мечислав Николаевич Кунцевич перешел Екатерининский канал по Львиному мостику и направился к зданию на Офицерской, 28, где размещалось Управление столичной сыскной полиции.

В приемной начальника уже сидело несколько человек. Супружеская пара средних лет: она беспрерывно плакала, он гладил ее по руке; какая-то размалеванная девица; дама лет пятидесяти и немолодой чиновник в полицейском кафтане без погон.

Дежурный поинтересовался у Кунцевича целью визита и, узнав ее, с интересом и, как показалось, жалостью посмотрел на него.

В очереди кандидат на место просидел минут сорок. Наконец его позвали в кабинет.

Взгляд начальника сыскного отделения — сорокапятилетнего плотного мужчины с николаевскими бакенбардами — был точно таким же, как у дежурного чиновника.

— Дежурный мне доложил о цели вашего визита. Да, у нас сейчас есть вакансии, но на службу мы не всякого принимаем. Вы дворянин?

— Да-с, потомственный. Сын статского советника.

— По какому ведомству батюшка служит?

— Служил по медицинской части, по военному ведомству.

— В отставке?

— Надеюсь, что в раю.

— Прошу прощения... Где учились, где ранее трудились?

Иван ПОГОНИН

— Вышел из пятого класса гимназии, служил писцом в губернском казначействе в Могилеве, потом в конторе Московско-Брестской железной дороги, сейчас — в Экспедиции заготовления государственных бумаг, в бухгалтерии.

— И чего же вас из бухгалтерии в сыскную потянуло?

— Не буду скрывать, прежде всего обстоятельства материального характера-с. У вас, говорят, жалованье больше.

— То, что не юлите, это хорошо. А то, знаете ли, придет какой-нибудь молодец и заявляет, что хочет защищать обывателей от разных мазуриков, не щадя живота своего, и служить готов даром, из одной любви к человечеству. Возьмешь такого на службу — глядишь, через месяц, много другой, бумаги приходится писать на имя градоначальника о том, почему этого молодца на каторгу отправлять не надо, а следует ограничиться одним только увольнением без прошения. Кхм. Что умеете?

— ...Да я все больше по бухгалтерии... Английский язык знаю!

— Английский? Английский — это хорошо, его мало кто знает, но на нашей службе это вряд ли пригодится. Зачем нам в Питере английский? Но образованные люди мне нужны, а то у меня половина служащих слово «зеленый» через два ять пишут. С условиями службы знакомы?

— Весьма поверхностно.

— В присутствие должны являться каждый день, в том числе и в праздники, поутру, к десяти часам. Я определю вас в центральный район, поэтому вашим ближайшим начальством будет чиновник для поручений коллежский секретарь Жеребцов. Он в некотором роде наша знаменитость, пользуется славою Лекока. Я поручаю ему дознания

Превышение полномочий

по самым важным и запутанным делам. Поэтому под его началом вы многому научитесь, если, конечно, проявите старание. Присутствие длится до трех часов пополудни, потом обед, в семь с половиной — опять на службу, ну а заканчиваем мы — как Бог даст. Получка жалования первого числа, жалование у вас будет по низшему окладу, шестьсот рублей в год. Ну а дальше — как себя покажете. В понедельник принесете выписку о рождении и крещении, аттестат из гимназии, ну и аттестат с прежнего места. Вы там по вольному найму?

— Точно так-с.

— Тогда можете прошение об увольнении писать. Вы мне подходите. Вопросы есть?

— Да. Револьвер мне дадут?

— Кхм. Я бы вам советовал самому его приобрести, казенные дрянно, случится, не дай Бог, стрелять — надежды на них никакой. Сходите в магазин Феттеля на Марининский рынок, у него для полиции хорошие скидки, да и рассрочку он предоставит. Но это потом, как карточку полицейскую получите. Все, завтра жду вас с прошением и документами. Да! Не забудьте гербовый сбор оплатить.

На выходе Кунцевич столкнулся с Митей. На лице друга детства безо всякого труда можно было прочесть, что вчерашняя гулянка удалась на славу.

— Мечислав! Рад тебя видеть! Пришел, значит? Молодец. А я, брат, припоздал немного, дворник, сволочь, не разбудил вовремя. Понимаешь, сейчас меня уже его высокоблагородие не примет, да и показываться ему я в таком виде не хочу... Поэтому протекции тебе сегодня не составлю. Давай я завтра с начальством поговорю, а ты послезавтра приходи.

Иван ПОГОНИН

— Спасибо, я уже.

— Что уже?

— Уже был, говорил и вроде получил место.

— Очень прекрасно! Тогда с тебя причитается. Я через полчаса освобожусь, так ты жди меня в трактире Васильева, он рядом, по этой улице в тридцать шестом номере. Позавтракаем, заодно и обмоем твое назначение.

— Меня еще не назначили.

— Брось! Если начальник место обещал, так тому и быть. Иди в трактир, требуй отдельный кабинет, скажи, Дмитрий Спиридонович просил, пусть приготовят, как я люблю.

Домой кандидат на полицейскую должность возвращался на извозчике, истратив последний двугривенный, — пешком боялся не дойти. Митя остался в трактире в компании мрачного типа, которого представил Тошей, и двух развеселых девиц, появившихся где-то через час после начала «завтрака». На уговоры продолжить Кунцевич не поддался, завтра ему надо было на службу, а туда он привык являться вовремя и со светлой головой. Дома он потребовал самовар, выпил три стакана крепкого чаю и завалился спать.

Через две недели к нему домой явился рассыльный и передал письмо с просьбой срочно явиться в сыскную. Оказывается, там поменялся начальник, и назначенный на место Виноградова Вошинин пожелал лично побеседовать с кандидатом. Результатом беседы новый начальник сыскной остался доволен, и в начале сентября в «Ведомостях градоначальства» появился приказ о зачислении Кунцевича на службу.

В небольшом, всего две квадратных сажени, кабинете чиновника для поручений Санкт-Петербургской сыскной полиции Жеребцова было не протолкнуться — хозяин кабинета проводил утренний развод подчиненных. Несмотря на такую фамилию и гордое имя Аполлон, Жеребцов ни статью, ни красотой не отличался. Как и большинство чиновников, работавших в сыскной, он выслужился из самых низов, с должности вольнонаемного агента, знал сыск от и до, фанатично был предан делу и требовал такого же отношения от подчиненных. Он мог закрыть глаза на многое: на пьянку, на мздоимство (если оно, конечно, не переходило известных границ), но только не на равнодушное отношение к поручениям.

— Господа, позвольте вам представить новообращенного. Кунцевич Мечислав Николаевич с сегодняшнего дня назначен на должность полицейского надзирателя. Господа, прошу отнестись к новому члену нашего коллектива с тем искренним вниманием и добротой, с которым когда-то коллектив отнесся к каждому из вас. Научите его всему хорошему, что вы знаете. Теперь о делах наших грешных. Макаров, ты вчера ездил на кражу из дома генеральши Ермолаевой?

— Так точно-с.

— Что там?

— Работаем, ваше благородие, кой-какие кончики уже есть, я вам приватно доложу.

— Это хорошо, что есть кончики.

Выслушав отчет каждого из надзирателей и дав каждому урок на день, Жеребцов обратился к Кунцевичу: